

УДК 347.7

doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.44-58

ЗАСЛУГИ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА МЕЙЕРА В НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКЕ РУССКОГО ТОРГОВОГО ПРАВА

В.А. Белов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, 119234, Россия*

Аннотация

Основное внимание в статье сосредоточено на анализе двух работ Д.И. Мейера: «Юридические исследования относительно торгового быта Одессы» (1855) и «Очерк русского вексельного права» (1857). Отмечается, что «Юридические исследования...» представляют собой обстоятельную научную разработку трех областей обычного права (договора комиссии, векселя и морского страхования), а также первое в отечественной литературе рассуждение о торговых обычаях как таковых. «Очерк...» Д.И. Мейера назван исторически первым сугубо научным исследованием русского вексельного права, отличающимся, помимо прочего, оригинальностью расположения представленного в нем материала и его уникальным содержанием. Выявлен существенный вклад, внесенный Д.И. Мейером в науку русского торгового права, который, однако, на фоне более ярких успехов ученого на ниве преподавания права гражданского оказался незаслуженно забытым. По мнению автора, к издавна закрепившейся за Д.И. Мейером репутации «отца российской цивилистики» следует добавить и звание одного из основателей русского торгового права.

Ключевые слова: Д.И. Мейер, торговое право, торговые обычаи, вексель и вексельное право

Дмитрий Иванович Мейер (1 сентября 1819 г. – 18 января 1856 г.) – ученый-юрист, не забытый даже в советскую эпоху, очевидно не нуждается в представлении современному российскому читателю. Репутация «отца российской цивилистики», закрепившаяся за ним в течение уже первого десятилетия после смерти, и многократные переиздания ставшего знаменитым буквально в одночасье «Русского гражданского права» – конспекта лекций, составленного и первоначально обработанного А.И. Вицыным, а затем систематически дополняемого и обновляемого А.Х. Гольмстеном, – а также несколько небольших по объему, но фундаментальных по содержанию монографий, которые он успел напечатать в продолжение своей короткой жизни, похоже, обессмертили его имя¹. В настоящей

¹ Мы, хотя специально и не занимаемся библиографической частью юридической науки, имели случай написать небольшой очерк о Д.И. Мейере и его заслугах в сфере русского гражданского правоведения «...Для дела правды и добра трудитесь до самой смерти вашей...», опубликованный в книге «Избранные произведения [Д.И. Мейера] по гражданскому праву» из серии «Научное наследие» [1, с. 5–52]. В этой же книге см. список трудов и публикаций Д.И. Мейера и о нем [1, с. 380–384, 385–386].

статье мы хотели бы немного сместить традиционные акценты, обратив внимание на сделанное Дмитрием Ивановичем в сфере не гражданского, а торгового права. Думается, читатели согласятся с нами во мнении, что имя Д.И. Мейера должно быть внесено в пантеон не только русских цивилистов, но и коммерциалистов. «Отцом российской коммерциалистики» (в единственном числе) его, наверное, не назовешь, но одним из них он является бесспорно.

Монография (или, лучше сказать, монографическая статья) Д.И. Мейера **«Юридические исследования относительно торгового быта Одессы»** (ЮИ)² – *первое научное* (в самом лучшем смысле слова) *русскоязычное сочинение по русскому частному (!) торговому праву*. А.Х. Гольмстен – публикатор и автор предисловий к ряду переизданий «Русского гражданского права» Д.И. Мейера – кратко рассказывает историю его появления. Летом 1850 г., в период своего отпуска, Д.И. Мейер – в то время профессор Казанского университета, ведущий активную преподавательскую, практическую и научную деятельность, – движимый стремлением подобрать материал для научной разработки русских торговых обычаев, посещает Одессу – центр тогдашней российской оптовой и внешней торговли³. Три месяца пребывания там доставили ученому такой материал, на обработку которого ему потребовалось несколько лет; результатом этой работы и стало рассматриваемое сочинение. *Обстоятельная научная разработка трех областей обычного права (договора комиссии, векселя и морского страхования)* и первое в нашей литературе рассуждение *о торговых обычаях как таковых* – так может быть кратко охарактеризовано основное содержание этого сочинения. Основная часть материала – об обычаях вообще, обычаях в области договора комиссии и морского страхования – позволила профессору существенно пополнить читавшийся им в то время курс русского гражданского права. Что же касается обычаев в области вексельного обращения, то посвященный им отдел в дальнейшем вылился в особый курс лекций, ставший первым в российских университетах курсом русского вексельного права, и даже в специальное сочинение (см. о нем далее).

Ценность «Юридических исследований...» Д.И. Мейера заключается не столько в богатстве собранного ученым обычно-правового материала (хотя и в нем, конечно, тоже⁴), сколько в *результатах его научной обработки*. Сталкиваясь в торговом быту и торговых обычаях с юридическими институтами и конструкциями, не известными законодательству, Д.И. Мейер не отступает перед ними, а пытается установить их существо, соотнести со смежными явлениями и подыскать им место в общей системе гражданского и торгового права. Существо проделанной ученым работы становится видно уже буквально из первых строк его труда: «...*Торговые сделки* [одесских купцов] по большей части простые, без утонченной искусственности, и *сводятся к незначительному числу видов*. Юрист-наблюдатель не рискует здесь потеряться в необъятном

² См. также это сочинение в «Юридическом сборнике», изданном Д.И. Мейером, – первом отечественном сборнике научных статей по гражданскому и торговому праву (ЮС, с. 449–494) и в «Избранных произведениях [Д.И. Мейера] по гражданскому праву» [1, с. 163–221].

³ Лучше понять и оценить торгово-юридическое значение Одессы того времени поможет ряд сочинений (см. [2, с. 48–75; 3; 4 с. 65–101; 5; 6, с. 71–92]).

⁴ Д.И. Мейер дал комментарии десяти торговым обычаям различных областей применения (см. ЮИ, с. 11–17).

разнообразии запутанных торговых дел, в сложных биржевых договорах; ему есть возможность *уследить юридические явления торгового быта, уловить происхождение в нем прав, ход их осуществления, отчуждения и самое прекращение прав*; быстрота явлений не чрезмерна, наплыв их не громадный, как в местах торговли всемирной; вместе же с тем эти явления происходят правильно, отклонения от правила, конечно, встречаются, но они именно отклонениями и признаются, и, что для юриста главное, торговля производится в кругу чисто юридических понятий, а не *“по душе”*, т. е. при хаотическом смешении понятий юридических, нравственных и патриархальных, как ведутся торги во многих других местах нашего отечества»⁵ (ЮИ, с. 1). Рассмотрим несколько конкретных примеров того, как сам Д.И. Мейер выполнял юридическую научную работу, существо которой он так хорошо описал.

Изучая одесскую практику комиссионных сделок по хлебной торговле, Д.И. Мейер подмечает существование следующего обычая: *«Обыкновенно комиссионер немедленно по принятии пшеницы выдает комитенту часть той суммы, которая будет следовать ему по продаже»* (ЮИ, с. 4). Одесские купцы обозначают этот платеж термином «аванс». Но является ли он авансом, и если нет, то какова его *юридическая природа*? Для Д.И. Мейера совершенно очевидно, что указанный платеж не может быть ни покупной ценой хлеба, ни задатком, ибо к моменту его внесения *договор* купли-продажи пшеницы *еще не заключен*: комиссионер только получил пшеницу от комитента для такой продажи. Анализируя соотношение прав и обязанностей комиссионера и комитента и их зависимость от производства данного платежа, Д.И. Мейер заключает, что его внесение *«представляется лишь условием комиссии»* (ЮИ, с. 4) – условием, которое является *свидетельством принятия комиссионером комиссионного поручения и мерой, стимулирующей комиссионера к результативному его исполнению; ни авансом, ни тем более задатком по сделке, которой еще нет, рассматриваемый платеж не является и являться не может*. Соображение это, очевидно, элементарное, но до него долго не могли дойти ни тогдашние одесские, ни современные российские коммерсанты, ни (что удивительно) отечественный законодатель. Достаточно напомнить, что в современной практике словом «задаток» обозначаются платежи, вносимые в доказательство «серьезности намерений» а) *будущим (!) покупателем недвижимости будущему же (!) ее продавцу через посредника* (риелтора); б) участником торгов – их организатору в обеспечение платежа по договору, который, *возможно, будет с ним по итогам торгов заключен*; в) одной стороной *предварительного (!) договора* – другой его стороне. Только с принятием Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ⁶ подобные платежи обрели самостоятельный правовой режим (см. ст. 381.1 и 381.2 ГК РФ). Как видим, Д.И. Мейер выявил существование института обеспечительного платежа на материалах русского обычного торгового права за 160 лет до того, как его «заметил» отечественный законодатель. По всей видимости, таков срок отставания гражданского законодательства от потребностей и запросов действительной торговой жизни.

⁵ Здесь и далее во всех цитатах вставки в квадратных скобках и курсив наши. – В.Б.

⁶ Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.

Другой вопрос, рассматриваемый ученым, относится к изучению *юридической природы права комиссионера на удержание и реализацию переданного ему для продажи хлеба*. Оно признается за комиссионером с целью обеспечения исполнения комитентом обязательства по возврату полученного от комиссионера аванса в случае прекращения договора комиссии. Такое право известно и современному российскому законодательству (п. 2 ст. 996 ГК РФ), однако признается за комиссионером с целью обеспечения *любых* его требований к комитенту по договору комиссии, а не только требования возврата пресловутого аванса (которого, кстати, в современной комиссии может и не быть). В торговой практике такую сумму называют *залогом*, но это, разумеется, только лишь название. В этой связи Д.И. Мейер специально и совершенно правильно подчеркнул, что опасно филологией заменять юриспруденцию: *слово* может быть *любым*, следовательно, важно определить, какое *понятие*, какая *категория* за ним скрывается. Анализируя отношение комитента и комиссионера к третьим лицам (кредиторам комитента), ученый доказывает, что право комиссионера на удержание предмета комиссии *никак не может быть залоговым*, ибо «смысл представляемого хлебом обеспечения ограничивается *одними отношениями комиссионера к комитенту, не касаясь кредиторов сего последнего*: значит, при замедлении в обратном платеже аванса, комиссионер удовлетворяется обеспечивающим его хлебом и в случае несостоятельности комитента он сам не может требовать, чтобы хлеб весь шел в [конкурсную] массу» (ЮИ, с. 5). Несмотря на свое внешнее сходство с залогом, это *специфическое относительное правоотношение комиссионера и комитента*, располагающееся перед претензиями третьих лиц на имущество комитента.

Следующий юридический *практический* вопрос, разрешенный Д.И. Мейером *научным методом* (с научной точки зрения), касается *содержания обязательства комиссионера*. Допустим, что комиссионер, принявший поручение о продаже чего-либо, купил предмет комиссии *сам, для себя и на свой счет*, а комиссионер, *обязавшийся* что-либо купить, вместо заключения соответствующей сделки поставил комитенту предмет комиссии, *уже принадлежащий* ему, комиссионеру. Подобная проблема возникает и в тех ситуациях, когда комиссионер заключает сделку, порученную ему одним его комитентом, с другим своим же комитентом: например, комиссионер, принявший хлеб для продажи, продает его другому своему комитенту, поручившему ему покупку такой же партии хлеба (и наоборот). Можно ли в таких случаях считать, что комиссионеры исполнили свои комиссионные обязательства и, соответственно, вправе рассчитывать на комиссионное вознаграждение? Д.И. Мейер приходит к выводу, что «комиссия купить (продать) имеет только тот смысл, что на комиссионера налагается обязательство купить (продать), [только тогда,] когда он иначе не доставляет комитенту, не хочет или не может доставить требуемого товара или денег. И даже нельзя считать комиссионера обязанным давать отчет комитенту в принятых для доставления требуемого мерах: надлежащею доставкой прекращаются все обязательства комиссионера» (ЮИ, с. 6). Соответственно, «имея на комиссии хлеб и получая комиссию купить, комиссионер может, *без всякого отступления от своих обязательств, хлеб этот употребить на удовлетворение нового комитента*, если не нарушает он этим только других условий комиссии» (ЮИ, с. 6).

Далее ученый продолжает: «Так случается нередко в Одессе, что иной комитент, в особенности из класса производителей, обвиняет комиссионера в недобросовестности за то, что он, получив на комиссию хлеб и оставив оный за собой, все-таки вносит в расчет комиссионные %%, тогда как с точки зрения юридической тут нет никакой недобросовестности» (ЮИ, с. 7). Излишне говорить, что это умозаключение, к сожалению, осталось чуждым российскому праву, в особенности современному, склонному видеть недобросовестность во всяком, даже самом малейшем уклонении поведения от установленной ГК РФ договорной модели.

Мы привели только три примера из первой части работы Д.И. Мейера, касающейся договора комиссии; продолжать их значило бы пересказать весь труд, ибо каждый (буквально каждый!) разбираемый в нем вопрос представляет собой *яркий пример применения научного юридического метода*, необходимой предпосылкой которого является, конечно, способность автора «выделить в каждом отношении юридический элемент» [7, с. 68]. Поскольку в таком пересказе нет никакой необходимости, обратим лишь внимание на следующие вопросы, поставленные Д.И. Мейером в «Юридических исследованиях»:

1) возможно ли подведение института «покупки на общий счет», предпринимаемой для обеспечения исполнения комиссионных обязательств на наиболее выгодных условиях⁷, под договор простого товарищества?

2) какова юридическая природа страхового полиса и полисных правил?

3) является ли абандон – отказ страхователя от права собственности на поврежденное застрахованное имущество в пользу страховщика, обязательный для последнего⁸, – правом или обязанностью страхователя?

4) возможно ли страхование страховых премий, и если возможно, то от каких рисков?

5) действительно ли уплата страховой премии является *необходимым* условием вступления в силу и действия договора страхования?

6) законны ли известные торговой практике способы обхода законодательных запретов простых векселей на предъявителя и приказа самого векселедателя?

7) какова юридическая природа договорной возможности удержания векселя без передаточной надписи на ретентора?

8) все ли правила, относящиеся к переводному векселю, можно и правильно применять к векселю простому?

Конечно, это далеко не все соображения ученого, которые были сформулированы им по итогам исследований торгового быта Одессы и на которые следует обратить внимание при ознакомлении с этим трудом. Не все они впоследствии нашли отражение в законодательстве и практике; более того, не все получили признание и развитие в научной литературе. Но свидетельствуют ли эти обстоятельства сами по себе о неправильности идей Д.И. Мейера? Вряд ли. Скорее, это очередной повод задуматься: а достойны ли мы наследия наших великих предков?

⁷ Вопрос чрезвычайно актуален в настоящее время в связи с распространением так называемых *закупочных картелей* – неформальных объединений покупателей одной и той же продукции, составляемых для того, чтобы добиться от известного поставщика снижения отпускной цены.

⁸ Следствие абандона – получение права требовать от страховщика выплаты страхового возмещения в сумме, определяемой исходя из того, что застрахованное имущество погибло *полностью*.

В завершение нашего разбора «Юридических исследований...» позволим себе привести небольшую цитату из этой работы по вопросу, касающемуся сбора и изучения торговых обычаев в целом. Данный фрагмент опять-таки заставит задуматься: а так ли уж верен расхожий среди современных специалистов тезис о практически полной утрате обычным правом всякого практического значения?

«Я останавливал внимание, – пишет Д.И. Мейер, – преимущественно на обычаях, представляющих юридический характер. Изучение их сопряжено с немалыми трудностями, так как нередко *они укрываются от сознания тех самых людей, которые руководствуются ими в действительности и притом в таких именно отношениях, кои не оставляют заметного следа [своего] существования*. В настоящее время, при постоянном стремлении законодательства определить собой *весь* юридический быт, *обычаю только и остается места в неведомых и скрытых уголках сего быта*, а где владычество обычая было повиднее, оно уже вытеснено законодательством. По большей части *только столкновение между интересами и правами граждан выводит наружу существование какого-либо обычая*: сторона, на нем основывающая или им подкрепляющая право, указывает судьям на обычай, или сами суды признают его в данном деле. Но этим путем обычаи становятся известными *случайно и только изредка и без достаточных данных для совершенного удостоверения, что выдаваемое за обычай юридическое понятие содержит в себе действительно все принадлежности обычного права*. Притом же, как известно, юридические науки не располагают у нас обращающимися и скопляемыми в судебных местах материалами» (ЮИ, с. 10–11).

Что же в этой цитате интересного? Конечно, то, что перед нами *первый в отечественной юридической науке случай исчерпывающего суммированного изложения тех трудностей⁹, с которыми сталкиваются юристы-практики при применении, а юристы-ученые при изучении торговых обычаев*. Сложности эти имеют, однако, не концептуальное, но лишь практическое свойство, а значит, они должны становиться предметом кропотливой работы и преодоления, но никак не основаниями к тому, чтобы отвергнуть всякое значение обычного права, всецело заменив его нормами законов и (тем более) подзаконных актов. Торговый обычай – один из источников торгового права, как минимум равноправный закону и частному договору, а как максимум и приоритетный перед ними.

Обращает на себя внимание тот факт, что, избрав темой своей работы *юридические исследования торгового быта Одессы*, Д.И. Мейер ограничился изучением одного только *обычного* торгового права – о практике применения имперского Устава Торгового или иных, весьма многочисленных уже в то время нормативных актов в его очерке нет ни слова. Случайно ли? Думается, нет, ибо «закоулки» торгового быта, ставшие предметом исследований Дмитрия Ивановича, обязаны своей юридической стороной как раз не законодательству (и даже не практике его применения), а именно *торговым обычаям*. Из этого обстоятельства нельзя, конечно, делать вывод о том, что Д.И. Мейер рассматривал русское торговое право *по преимуществу как право обычное, противопоставляемое праву*

⁹ Они выделены в цитате курсивом.

гражданскому, состоявшему в основном из норм законодательного происхождения (как это позднее стали делать, к примеру, В.Н. Бельдюгин, А.Х. Гольмстен, А.Г. Золотарев, А.С. Невзоров, П.П. Цитович, В.А. Юшкевич и др.); безусловно, неосновательно считать Д.И. Мейера первым отечественным сторонником *дуализма* частного права. Но то, что он (в отличие от многих наших современников) подходил к исследованию окружающей его действительности *объективно*, не закрывая глаза на «неудобные» факты, портящие стройную логическую картину мира и мешающие подогнать ее объяснение под заранее известный результат, «предусмотренный законом», а, напротив, *замечая их, посвящая их изучению свои силы, свое внимание и время*, – словом, действовал именно так, как подобает действовать настоящему ученому, – несомненно.

По заслугам была и оценка труда Д.И. Мейера его современниками. «Юридические исследования относительно торгового быта Одессы» – произведение, которое «*не имеет себе подобного в нашей литературе торгового права и сохранило большую научную цену*» [8, с. V], – писал А.Х. Гольмстен. «Юридические исследования...» «представляют интерес с точки зрения *строго научного отличия обычного права от заведенного порядка*, способности автора выделить в каждом отношении юридический элемент» [7, с. 67–68], – вторил А.Х. Гольмстену его непримиримый научный оппонент Г.Ф. Шершеневич. Нельзя не согласиться со сказанным и не пожалеть о том, что впоследствии исследований по русскому торговому обычному праву появилось не так уж много: советские ученые обычаями в этой области вообще практически не занимались, а результаты работ современных авторов, хотя и довольно многочисленные, оставляют желать лучшего.

«**Очерк русского вексельного права**» (ОРВП) – еще одно произведение Д.И. Мейера, отражающее его заслуги в деле создания русского *торгового* (коммерческого) права. В отличие от работы, рассмотренной выше, «Очерк...» был не написан собственно Д.И. Мейером, а *составлен* его учеником А.И. Вицыным «*по запискам слушателей*» уже *после смерти* учителя¹⁰. Эта работа стала, строго говоря, *первым опытом* посмертного использования таких «записок», из которых А.И. Вицын составлял и публиковал лекции профессора, постепенно превратившиеся в курс русского гражданского права, обесмертивший имя лектора и доставивший ему славу «отца российской цивилистики».

Впрочем, значение «Очерка русского вексельного права» для отечественной юридической науки этим обстоятельством не исчерпывается. Чтобы оценить его в полной мере, необходимо вспомнить, что к 1857 г. в нашей литературе существовало *всего одно* (!) сочинение по вексельному праву – «Начальные основания вексельного права» Ф.Г. Дильтея [9], по сути представлявшее собой комментарий к первому русскому Уставу Вексельному 1729 г. В последний раз обновленное в 1781 г., оно к середине XIX в. безнадежно устарело. Очерки вексельного права встречались в составе некоторых других, более новых книг¹¹, но все они имели очень фрагментарный и (главное!) *чисто описательный* характер: даже минимальных элементов научной юридической мысли в них не было. Иными словами, «Очерк...» Д.И. Мейера 1857 г. – *исторически*

¹⁰ В последующем «Очерк...» присоединялся к изданиям учебника гражданского права Д.И. Мейера, начиная с пятого (1873 г.); см. также его перепечатку [1, с. 296–379].

¹¹ См., например, [10–15].

*первое сугубо научное исследование русского вексельного права, отличающееся, помимо прочего, оригинальностью расположения и уникальным содержанием представленного в нем материала. Впоследствии специалисты в этой области отталкивались в своих работах от книги Д.И. Мейера, а то и оставались под ее содержательным обаянием*¹².

Сам Д.И. Мейер характеризовал свои лекции по вексельному праву (те самые, из которых впоследствии и был составлен «Очерк...») следующим образом: «Мы далеко не исчерпали *всех тонкостей* вексельного права, *всех отдельных определений*, какие представляются относительно участия в вексельном обязательстве. Мне хотелось представить только *очерк* вексельного права, чтоб вы знали, *в чем состоит содержание этой части права, почему она имеет важное значение в торговом мире*. И прошу вас смотреть на изложение вексельного права как на *эпизод в изложении общего гражданского права*» (ОРВП, с. 4). Между тем действительный потенциал «Очерка...» не идет ни в какое сравнение с этой чрезвычайно скромной характеристикой. Представляется возможным солидаризироваться с мнением А.И. Вицына о том, что «*издаваемые чтения о вексельном праве дают довольно полное и ясное понятие о незатронутом еще у нас предмете*» (ОРВП, с. 4).

Возникает следующий вопрос. В 1857 г., когда вексельное право действительно еще не становилось предметом научного осмысления, первый такой опыт – «Очерк...» Д.И. Мейера – несомненно имел как научную, так и познавательную ценность. Но как же теперь? Ведь *в настоящее время*, с одной стороны, в распоряжении читателей имеется несколько полноценных курсов вексельного права, многочисленные учебники и иные пособия по дисциплине, комментарии законодательства и практики его применения, а с другой – всё, что связано с векселями, успело уже неоднократно поменяться, да притом настолько, что провоцирует некоторых современников задаваться вопросом «Зачем изучать вексельное право?»¹³. Сохраняет ли «Очерк...» значение в этих *новых условиях*?

Открывая курс, Д.И. Мейер подчеркивал, что его изложение вексельного права «по существенному содержанию своему разделяется на два отдела: в первом излагается *значение* вексельного права и его *происхождение*, во втором – *догма* русского вексельного права» (ОРВП, с. 5). Отделы эти весьма несоизмерны по своему объему, но совершенно пропорциональны: общие вопросы остались *общими*, заняв менее десятой части «Очерка...». Профессору удалось точно обозначить именно те факторы из области истории и экономического значения векселя, которые в конечном счете и предопределили все его основополагающие юридические характеристики. Не будет преувеличением сказать, что центральное место в системе этих факторов всегда занимала сфера отношений, обслуживаемых векселем, – *торговля*.

В эпоху становления и развития векселя (Средние века) источником общественного процветания и двигателем экономического прогресса являлась *ярмарочная торговля*. Главная проблема, требовавшая своего решения в этих усло-

¹² Особенно хорошо оно заметно в работах, наиболее близких по времени публикации к книге Д.И. Мейера: в «Вексельном праве» Н.А. Миловидова (1876) [16] и «Курсе вексельного права» П.П. Цитовича (1887) [17].

¹³ См. по этому вопросу нашу одноименную статью [18].

виях, – *денежный обмен* (обмен одной валюты на другую), притом *совершаемый на расстоянии* (сопряженный с переводом денег из одного места (где находился купец) в другое (место производства ярмарки)). Вексель родился именно как инструмент обслуживания этих двух операций – *денежного обмена*, необходимого для участия в ярмарках, и *денежного перевода*. Это происхождение предопределило первоначальный вид векселя и присущие ему юридические свойства.

Постепенно, по мере преодоления средневековой феодальной раздробленности, картина изменялась: из сферы валютно-обменных и переводных операций вексель переместился в сферу обслуживания *торгового кредита*, со временем став главным его правовым инструментом. Вексель превратился в своеобразный *символ торгового кредита*, перед которым «становились по стойке смирно» не только купцы и банкиры, но и купеческие торговые суды, городские магистраты, помещики, бароны, графы, герцоги и даже короли. Отлично понимая, что усиленная защита векселедержателей является условием развития вексельного (коммерческого) кредитования, а значит, торговли и в конечном счете общественного благоденствия и экономического прогресса, власти, сначала только местные (руководители городов с ярмарочными и рыночными площадями, а также портов), но затем и общегосударственные, стали ревностно заботиться о мерах принуждения к *скорому и бесспорному удовлетворению по векселям*. «И в этой-то необходимости скрывается черта строгости вексельного права, черта, составляющая характеристику учреждения» (ОРВП, с. 15), – подчеркивает Д.И. Мейер. Из символа торгового кредита вексель превратился в символ *самой торговли*.

«Со временем стали применять ярмарочное производство к *торговым обязательствам* [в целом] и *независимо от ярмарки*. В особенности применяли его к векселям на том основании, что предъявитель векселя выдал за него деньги, которые, бесспорно, ему и следовало получить по предъявлении векселя. Но, разумеется, было желание, чтоб та же строгость, та же быстрота взыскания были применимы и к другим долговым обязательствам, желание, тем более понятное, что в прежнее время общественная власть не слишком заботилась об охране прав и интересов отдельных лиц. И вот достигали этого признанием векселями и других долговых актов. *Как скоро желали охранить вексельное обязательство строгостью вексельного права, объявляли акт векселем: хотя бы в акте и речи не было о переводе денег из одного места в другое, но уже признание акта векселем было достаточно, чтоб распространить на него вексельное право*» (ОРВП, с. 15–16). Свое сакраментальное значение вексель перенес из *фактических* отношений в *юридические*, став символом уже не *торговли*, а *торгового права*.

В современной экономике, – рассуждает Д.И. Мейер, – двигателем прогресса является уже не столько *торговля*, сколько *промышленное производство*. Вексель, будучи символом нерушимости купеческого слова, твердости и неприкосновенности денежных требований, а также строгости и быстроты в их осуществлении, довольно быстро «переквалифицировался» с обслуживания *кредита торгового* на обслуживание *кредита промышленного*, или (лучше сказать) *предпринимательского*. Современный Д.И. Мейеру (да и нам тоже) вексель – это перевод-

ной вексель, выданный *производителем* (поставщиком) товаров (лицом, производящим работы или оказывающим услуги) на их *покупателя* (заказчика работ или услуг) *в пользу обслуживающего (кредитующего) банка*, или, по терминологии экономической науки, *товарный вексель*. Подвизавшись на обслуживании промышленного кредита, вексель привнес в него свое основное юридическое качество – процессуальную строгость и быстроту взыскания (ОРВП, с. 8–9). Отдельные нормы, институты и конструкции торгового права распространяли и распространяют по сей день свое влияние за рамки отведенных им исконно торговых пределов, выражая процесс, известный под именем коммерциализации гражданского права, но институт, в свое время ставший сердцевинной, квинтэссенцией, сакральным символом торгового права, перенес свой торговый компонент из чисто торгового в общий предпринимательский оборот как раз в эпоху Д.И. Мейера.

Рассуждения Дмитрия Ивановича ценны в первую очередь их принципиальным научным характером, а также заложенной в них возможностью дальнейшего логического развития. Нужно сказать, что далеко не всегда ученые отмечают взаимосвязь векселя с ростом экономики как принципиальную закономерность, обычно ограничиваясь простым перечислением известных им исторических «вех» развития векселя. Между тем, опираясь на более новые исторические данные, перечень этих закономерностей легко продолжить¹⁴. Процессуальная строгость векселя, первоначально бывшая единственной его юридической чертой, со временем получает свое материальное основание в виде принципов материальной строгости, абстрактности и, наконец, публичной достоверности. Институт *ценных бумаг* в его современном виде сформировался в значительной мере благодаря совместным усилиям вексельного права и теоретической разработки института бумаг на предъявителя; распространение начал вексельного права на общегражданский оборот постепенно привело к мысли об *ограничениях виндикации* и ряде *абстрактных сделок*; эти начала легко заметить в большинстве *банковских сделок*, в особенности в факторинге и форфейтинге; на них организуются и по ним функционируют системы современных *международных денежных переводов, банковские карты, документарные аккредитивы, независимые гарантии и резервные аккредитивы, инкассовые операции, банковские платежные обязательства*; принципы вексельного права позволяют объяснить кажущиеся непостижимыми юридические стороны так называемых *смарт-контрактов*. Таким образом, первая часть «Очерка...» Д.И. Мейера – образец научного юридического исследования.

Что касается второго отдела «Очерка...», представляющего собою *догматическое изложение* русского вексельного права, то здесь мы видим следующее. Разумеется, дальнейшее развитие вексельного законодательства, права, судебной практики и их научного анализа не могло не повлиять на полноту и актуальность содержащихся в «Очерке...» сведений¹⁵. Это понятно и закономерно: ни наука,

¹⁴ Например: там, где экономика не развивается, большой надобности в векселе нет; там, где речь идет об экономической стагнации, вексель не нужен вовсе. В свете современной российской ситуации любопытное наблюдение.

¹⁵ Так, нуждаются в актуализации части «Очерка...» о вексельных теориях и теориях индоссамента, вексельной правоспособности, вексельном посредничестве, протесте (в части сроков и порядка совершения), грационных днях, регрессе и последствиях утраты векселей; из раздела о вексельных реквизитах, естественно,

ни законодательство, ни уж тем более практика не стоят на месте – напротив, они изменяются, совершенствуются, развиваются; естественным следствием всех этих процессов становятся постепенно образующиеся различия и противоречия между новым и старым. Много ли таковых в случае с «Очерком...»? И да, и нет. По количеству вроде бы много, а по качеству... Нельзя не заметить, что среди нуждающихся в обновлении частей «Очерка...» вовсе нет тех, которые были бы посвящены *содержанию юридических отношений, возникающих из векселя и в связи с ним*. И это не случайно: вексельные обязательства – требования и обеспечивающие их обязанности, порядок их осуществления и ответственность за нарушение – ничуть не изменились, а это значит, что бóльшая часть «Очерка...» даже в его догматическом аспекте и до сего дня не утратила своей актуальности; что «Очерк...» сохраняет научное значение и может служить учебным пособием даже по современному вексельному праву, тем более замечательным, что его основные теоретические положения иллюстрированы конкретными практическими примерами.

Обнаруживается кое-что любопытное в «Очерке...» и по методической части. Что делать ученому, когда он сталкивается с таким вопросом, по которому не в силах сказать что-то конкретное и определенное? Напустить туману? Сделать вид, что никакого вопроса вовсе нет? Объявить его не относящимся к теме? Д.И. Мейер считает иначе: об этом надо честно и прямо заявить, например, следующим образом: «...Вексель переводный совершенно независимо от охранения особым вексельным правом представляется самостоятельным юридическим учреждением. *Исследование существа его в высшей степени затруднительно*, так что существуют до сих пор различные мнения о природе сделки, представляющей в переводном векселе» (ОРВП, с. 24–25). Далее следует изложение важнейших теоретических воззрений по сему поводу без указания на то, которое из них правильное. «Вот вам сведения, почтенные читатели, анализируйте их и принимайте решение сами, ибо мне к нему прийти не удалось!» – каково признание-то? Есть ли нечто подобное в современной литературе? Это дорогого стоит.

Подведем некоторые итоги.

К сожалению, ни заслуги Д.И. Мейера, касающиеся обычного права, выразившиеся в его «Юридических исследованиях относительно торгового быта Одессы», ни центральный постулат его «Очерка русского вексельного права» о вексельном праве как квинтэссенции права торгового *к накоплению той критической массы материала, которая могла бы подтолкнуть к созданию русской коммерциалистики, так и не привели*. С безвременной смертью профессора намеченное им *становление русской науки частного коммерческого права* отложилось; почти на двадцать следующих лет наша юридическая литература вновь погрузилась в пучину феерической смеси из истории, экономики и «права торговли», притом в публичном, сословно-полицейском по преимуществу значении.

Отчего так случилось? Может быть, невольно поспособствовал этому и сам Д.И. Мейер, считавший своей первостепенной задачей создание науки все-таки

должно исключить упоминание о получении валюты или ее постановке в счет, отметку об уведомительном письме, требование гербовой бумаги; «Очерк...» сегодня следовало бы дополнить материалом о залоговом и послесрочном индоссаменте, более подробными сведениями об авале и др.

гражданского, а не коммерческого права: недаром ведь он позиционировал свои «вексельные лекции» в общей юридической систематике как «эпизод в изложении *общего гражданского права*» (ОРВП, с. 4). Когда не существует не только коммерциалистики, но и цивилистики, трудно винить за выбор в пользу последней. Более того, в «Русском гражданском праве» Д.И. Мейера сентенции о *торговом праве* как *праве сословия городских обывателей* получили прямое выражение¹⁶. Кажется немислимым, чтобы столь откровенно ретроградные (даже для того времени) взгляды уживались с результатами, добытыми в рамках «Юридических исследований...» и «Очерка...», – однако же уживались. Возможно, и тут дело в том, что учебник относился к праву гражданскому, а не торговому; стало быть, материал по торговому праву для него был, если так можно выразиться, «непрофильным», подобный материал не дается в его новейших интерпретациях – словом, всё объяснимо.

Нет, впрочем, сомнений в том, что, несмотря на все эти «деликатные» моменты, вклад профессора Мейера в создание предпосылок для возникновения науки русского торгового права для своего времени был значительным. Доживи Дмитрий Иванович до почтенных седин, убеливших его современников и последователей (А.Х. Гольмстена, С.В. Пахмана, П.П. Цитовича и др.), кто знает, не прибавилось ли бы к знаменитому «Русскому гражданскому праву» Д.И. Мейера не менее знаменитое его же «Русское торговое право»?

Источники

- ЮИ – Мейер Д.И. Юридические исследования относительно торгового быта Одессы. – Казань: И. Дубровин, 1855. – 46 с.
- ЮС – Юридический сборник, изданный Дмитрием Мейером, ординарным профессором Казанского университета, доктором юридических наук. – Казань: И. Дубровин, 1855. – 583 с.
- ОРВП – Мейер Д.И. Очерк русского вексельного права. – Казань: Унив. тип., 1857. – 106 с.
- РГП – Мейер Д.И. Русское гражданское право. Общая часть / Изд. под ред. А.И. Вицына. – Казань: Унив. тип., 1859. – Вып. 2. – 112 с.

Литература

1. Мейер Д.И. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 388 с.
2. Скальковский А.А. Историко-статистический опыт о торговых и промышленных силах Одессы. – Одесса: Город. тип., 1839. – 88 с.
3. Скальковский А.А. Записки о торговых и промышленных силах Одессы. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1865. – 181 с.

¹⁶ «Сословию городских обывателей законодательство присваивает исключительное право торговли, кроме торговли некоторыми предметами, предоставляемой или всем гражданам, или по крайней мере не одному городскому сословию <...> В исключительности этого права городского сословия действуют финансовые соображения: законодательство рассматривает торговый промысел граждан как один из источников государственного дохода и потому предоставляет производство торговли только лицам городского сословия, которые вносят за то известную подать. Но если так, то нет никакого основания не позволять производство торговли и лицам не городского сословия, как скоро они изъявляют готовность платить установленную подать. И действительно, с припиской к городскому сословию, а следовательно, и с платою подати, каждому предоставляется производить торговлю <...> Кроме того, в самом сословии городских обывателей есть несколько подразделений, так что право торговли не для всех горожан одинаково...» (РГП, с. 69).

4. *Вольский М.М.* Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времен до 1852 года. – Одесса: Тип. Францова и Нитче, 1854. – 159 с.
5. *Бернштейн С.Г.* Одесса. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы в связи с Новороссийским краем. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1881. – 145 с.
6. *Надлер В.К.* Одесса в первые эпохи ее существования. – Одесса: Тип. В.В. Кирхнера, 1893. – 100 с.
7. *Шеришневич Г.Ф.* Наука гражданского права в России. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1893. – 244 с.
8. *Гольмстен А.Х.* Дмитрий Иванович Мейер, его жизнь и деятельность // Мейер Д.И. Русское гражданское право. – СПб.: Тип. Д.В. Чичинадзе, 1902. – С. I–XVI.
9. *Дильтей Ф.Г.* Начальные основания вексельного права. – М.: Унив. тип. у Н. Новикова. – 518 с.
10. *Гейм И.А.* Руководство к коммерческой науке. – М.: Унив. тип. у Любия, Гария и Попова, 1804. – 80 с.
11. Об актах крепостных, завещательных, договорных заемных и вексельных. – М.: Тип. Августа Семена, 1819. – Ч. 4. – 72 с.
12. *Михаловский К.Ф.* Ручная книжка о порядке совершения долговых разного рода обязательств, как то: закладных на недвижимое имение, крепостных и домовых заемных писем с залогом движимого имения и без залога, векселей, счетов, договоров и проч., с показанием способа взыскания по оным и удовлетворения. – М.: Унив. тип., 1820. – 108 с.
13. *Дегай П.И.* Систематическое начертание существующих российских узаконений о общих денежных заемных актах между частными людьми употребляемых: в 2 ч. – М.: Тип. С. Селивановского, 1824–1826. – Ч. 1. – 194 с.; Ч. 2. – 304 с.
14. *Болтин В.Д.* Рассуждение о происхождении купеческого состояния в России. – М.: Тип. Решетникова, 1827. – 72 с.
15. *Детенгоф И.И.* Общий состав торговли, или Теоретическо-практическое руководство к познанию торговых наук / Пер. с нем. Б.Ю. Корф. – СПб.: Тип. III Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1833. – 347 с.
16. *Миловидов Н.А.* Вексельное право. – Ярославль: Тип. Г.В. Фальк, 1876. – 196 с.
17. *Цитович П.П.* Курс вексельного права. – Киев: Тип. И.Н. Кушнерева и К^о, 1887. – 336 с.
18. *Белов В.А.* Зачем изучать вексельное право? // Закон. – 2017. – № 7. – С. 87–100.

Поступила в редакцию
20.05.19

Белов Вадим Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права и основ правоповедения юридического факультета

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119234, Россия
E-mail: vadim.belov@severstal.com

**Dmitrii Ivanovich Meyer's Contribution
to the Scientific Development of Russian Commercial Law***V.A. Belov**Moscow State University, Moscow, 119234 Russia*E-mail: *vadim.belov@severstal.com*

Received May 20, 2019

Abstract

In this paper, D.I. Meyer's two works – “Legal Research on the Commercial Life of Odessa” and “Essay on Russian Law on Bill of Credit” – have been analyzed.

The work “Legal Research on the Commercial Life of Odessa” is a thorough scientific elaboration of three areas of customary law (commission agreement, bills of credit, and marine insurance), as well as the first discussion of trade customs in the Russian literature.

The work “Essay on Russian Law on Bill of Credit”, in turn, can be characterized as the first experience of posthumous use of notes from students of the lectures delivered by D.I. Meyer. A.I. Vitsyn began to compile and publish the lectures delivered by professors that gradually turned into a course of Russian civil law. D.I. Meyer never worked on this work himself.

According to the results of the analysis, the important and been undeservedly forgotten contribution (given the background of more striking successes in the field of civil law teaching) made by D.I. Meyer to the science of Russian commercial law has been revealed. It has been suggested that the title of one of the fathers of Russian civil law should be also supported by D.I. Meyer's reputation as the “founding father of Russian commercial law”.

Keywords: D.I. Meyer, commercial law, commercial customs, bill of credit and exchange law

References

1. Meyer D.I. *Izbrannye proizvedeniya po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Moscow, Tsentr YurInfoR, 2003. 388 p. (In Russian)
2. Skal'kovskii A.A. *Istoriko-statisticheskii opyt o torgovykh i promyshlennykh silakh Odessy* [Historical and Statistical Experience of Trade and Industrial Powers in Odessa]. Odessa, Gorod. Tip., 1839. 88 p. (In Russian)
3. Skal'kovskii A.A. *Zapiski o torgovykh i promyshlennykh silakh Odessy* [Notes on Trade and Industrial Powers of Odessa]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K^o, 1865. 181 p. (In Russian)
4. Vol'skii M.M. *Ocherk istorii khlebnoi trgovli Novorossiiskogo kraia s drevneishikh vremen do 1852 goda* [An Outline on the History of Grain Trade in the Novorossiysk Region from the Ancient Times until 1852]. Odessa, Tip. Frantsova i Nitche, 1854. 159 p. (In Russian)
5. Bernstein S.G. *Odessa. Istoricheskii i torgovo-ekonomicheskii ocherk Odessy v svyazi s Novorossiiskim kraem* [Odessa. A Historical, Trade, and Economic Outline on Odessa in Connection with the Novorossiysk Region]. Odessa, Tip. L. Nitche, 1881. 145 p. (In Russian)
6. Nadler V.K. *Odessa v pervye epokhi ee sushchestvovaniya* [Odessa in the First Epochs of Its Existence]. Odessa, Tip. V.V. Kirkhnera, 1893. 100 p. (In Russian)
7. Shershenevich G.F. *Nauka grazhdanskogo prava v Rossii* [Civil Law Science in Russia]. Kazan, Tip. Imp. Univ., 1893. 244 p. (In Russian)
8. Gol'msten A.Kh. Dmitrii Ivanovich Meyer, his life and works. In: Meyer D.I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. St. Petersburg, Tip. D.V. Chichinadze, 1902, pp. I–XVI. (In Russian)

9. Diltthey Ph.H. *Nachal'nye osnovaniya veksel'nogo prava* [The Principles of Exchange Law]. Moscow, Univ. Tip. u N. Novikova, 1804. 80 p. (In Russian)
10. Heim I.A. *Rukovodstvo k komercheskoi nauke* [A Guide to Commercial Science]. Moscow, Univ. Tip. u Lyubiya, Gariya i Popova, 1804. 80 p. (In Russian)
11. *Ob aktakh krepostnykh, zaveshchatel'nykh, dogovornykh zayemnykh i veksel'nykh* [About Title Deeds, Testamentary Acts, Contractual Loan and Exchange Law Acts]. Pt. 4. Moscow, Tip. Avgusta Semena, 1819. 72 p. (In Russian)
12. Mikhailovskii K.F. *Ruchnaya knizhka o poryadke soversheniya dolgovykh raznogo roda obyazatel'stv, kak to: zakladnykh na nedvizhimoe imenie, krepostnykh i domovykh zaemnykh pisem s zalogom dvizhimogo imeniya i bez zaloga, vekselei, schetov, dogovorov i proch., s pokazaniem sposoba vyzskaniya po onym i udovletvoreniya* [A Handbook on the Procedure for Various Types of Debt Obligations: Mortgages on Real Estate, Serf and House Loan Letters with a Pledge of Movable Property and without Collateral, Bills of Exchange, Bills, Contracts, etc., With an Indication of the Method of Collecting and Satisfying Them]. Moscow, Univ. Tip., 1820. 108 p. (In Russian)
13. Degai P.I. *Sistematicheskoe nachertanie sushchestvuyushchikh rossiiskikh zakonov o obshchikh denezhnykh zaemnykh aktakh mezhdru chastnymi lyud'mi upotrebyayemykh* [The Systematic Outline of Russian Laws on General Monetary Loan Acts Used in Private Matters]. Moscow, Tip. S. Selivanovskogo, 1824–1826. Pt. 1, 194 p.; Pt. 2, 304 p. (In Russian)
14. Boltin V.D. *Rassuzhdenie o proiskhozhdenii kupecheskogo sostoyaniya v Rossii* [Reasoning about the Origin of the Merchant Estate in Russia]. Moscow, Tip. Reshetnikova, 1827. 72 p. (In Russian)
15. Detengof I.I. *Obshchii sostav torgovli, ili Teoretichsko-prakticheskoe rukovodstvo k poznaniyu torgovykh nauk* [General Structure of Trade, or Theoretical and Practical Guide to Understanding of Trade Sciences]. St. Petersburg, Tip. III Otd. Sobstv. e. i. v. kantselyarii, 1833. 347 p. (In Russian)
16. Milovidov N.A. *Veksel'noe pravo* [Exchange Law]. Yaroslavl, Tip. G.V. Fal'k, 1876. 196 p. (In Russian)
17. Tsitovich P.P. *Kurs veksel'nogo prava* [A Course on Exchange Law]. Kiev, Tip. I.N. Kushnereva I K^o, 1887. 336 p. (In Russian)
18. Belov V.A. Why study exchange law? *Zakon*, 2017, no. 7, pp. 87–100. (In Russian)

Для цитирования: Белов В.А. Заслуги Дмитрия Ивановича Мейера в научной разработке русского торгового права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 4. – С. 44–58. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.44-58.

For citation: Belov V.A. Dmitrii Ivanovich Meyer's contribution to the scientific development of Russian commercial law. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 4, pp. 44–58. doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.44-58. (In Russian)